

М. В. Новиков

Гражданские войны в России (1918–1920) и Испании (1936–1939): террор и церковь

Выполнено по гранту Российского научного фонда 14–18–01833

В статье рассматривается проблема, связанная с позицией российской православной церкви и испанской католической церкви в ходе гражданских войн 1918–1920 гг., 1936–1939 гг., повлиявшей на раскручивание механизма террора и особо ожесточенный характер обеих войн. Подчеркивается, что обе церкви встали на сторону одной из воюющих сторон – на сторону белогвардейцев в России и франкистов в Испании. В статье рассматриваются причины, повлиявшие на этот выбор, которые и в России, и в Испании оказались практически идентичными. Находившиеся у власти российские большевики и испанские либеральные демократы занимали жесткие антиклерикальные позиции, намереваясь быстро покончить с религией и церковью. На законодательном уровне они приняли решения об отделении церкви от государства и школы – от церкви, об отмене церковного брака и введении гражданского брака, о национализации церковной собственности.

Ключевые слова: гражданская война, террор, жестокость, Россия, Испания, российская православная церковь, испанская католическая церковь, отделение церкви от государства и школы от церкви, национализация церковной собственности.

M. V. Novikov

Civil Wars in Russia (1918–1920) and Spain (1936–1939): Terror and Church

In the article is regarded the problem concerning the position of the Russian Orthodox Church and Spanish Catholic Church during civil wars in 1918–1920, 1936–1939, which influenced untwisting of the mechanism of terror and especially fierce nature of these wars. It is emphasized that both churches supported one of belligerent parties – the party of White Guards in Russia and frankist in Spain. In the article the reasons are considered, which influenced this choice, which were almost identical both in Russia, and in Spain. The Russian Bolsheviks and the Spanish liberal democrats who were in power took hard anticlerical positions intending to destroy religion and church quickly. At the legislative level they made decisions on disestablishment and schools from church, on cancellation of a church marriage and introduction of a civil marriage, on nationalization of church property.

Keywords: civil war, terror, cruelty, Russia, Spain, the Russian Orthodox Church, the Spanish Catholic Church, disestablishment and schools from church, nationalization of church property.

История XX в. наполнена большими и малыми войнами, в том числе гражданскими. Будучи одной из разновидностей войн [1], гражданские войны происходили в регионах неразвитой демократии и острых социальных, религиозных, этнических противоречий, как правило, в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Европа также стала театром нескольких гражданских войн, в том числе в России и Испании. Эти две гражданские войны, хронологически близкие друг к другу, почти одинаковые по продолжительности, можно отнести к разряду классических, имеющих много общего, и в то же время обладающих своей спецификой.

В наших предыдущих публикациях мы предприняли попытку выявления общего и особенного в ходе этих двух гражданских войн [5]. Мы обратили внимание на следующее общее, по нашему мнению, существенные характеристики: началу войн предшествовало крушение российской и испанской монархий; и Россия, и Испания того пе-

риода относились к числу стран, где только начали формироваться демократические принципы и в самом зачаточном состоянии находились демократические институты; в обеих гражданских войнах была главная линия противостояния (большевизм – антибольшевизм в России, демократия – авторитаризм в Испании), наряду с которыми присутствовали и второстепенные, выразившие интересы отдельных социальных групп, политических объединений и территорий; все четыре противоборствующих лагеря являлись коалиционными; обе войны носили тотальный характер, в кровавую междуусобицу было вовлечено все население и большая часть территории обеих стран; обе войны характеризуются высокой степенью интернационализации, вовлечением в борьбу с разной степенью интенсивности всех мировых держав, десятков тысяч граждан других государств; обе гражданские войны отличаются невероятной жестокостью участников по отношению друг к другу, а также к гражданскому населению.

Продолжая тему особо ожесточенного характера обеих гражданских войн, начатую в наших предыдущих публикациях [6], мы неизбежно должны были обратиться к заявленной в данной статье проблеме. Хорошо понимая разницу между Россией и Испанией, между религиозностью и церковью, отмечая, что подавляющая часть населения России периода гражданской войны идентифицировала себя с православной верой, точно так же, как большинство испанцев были искренними католиками, мы, тем не менее, попытаемся найти общее в дискурсе «гражданская война – террор – церковь» применительно к России и Испании.

Выявляя причины беспримерного в истории России и Испании братоубийства, мы не можем не обратить внимания на роль российской православной церкви и испанской католической церкви в раскручивании механизма террора. Совершенно очевидно, что в обоих случаях церковь не смогла занять абсолютно нейтральную позицию, не сумела встать над схваткой и призвать враждующие стороны к прекращению кровопролития, на что были веские причины. Находившиеся у власти российские большевики и испанские либеральные демократы заняли в отношении православной и католической церкви однозначно жесткую позицию: отделение церкви от государства и лишение ее государственных дотаций; лишение церкви права заниматься вопросами образования и воспитания в школах и других учебных заведениях; секуляризация церковной собственности. Их оппоненты – белогвардейцы в России и франкисты в Испании, напротив, всячески демонстрировали свое лояльное отношение к церкви и ее правам, и это не могло не повлиять на позицию как церковных иерархов, так и большинства приходских священников обеих стран.

«К несчастью, – пишет С. Г. Кара-Мурза, – в России церковь не смогла ни остановить, ни затормозить раскол народа и созревание взаимной ненависти в расколотых частях» [4, с. 135]. Отмечая, что православное духовенство, как и все остальные сословия России, расколослось в отношении большевистской революции, что часть священнослужителей приняла Октябрьскую революцию, видя в ней глубокий цивилизационный смысл и путь к преодолению общенациональной катастрофы, Кара-Мурза подчеркивает, что в целом православная церковь как институт в тот момент не приняла прихода к власти большевиков и вступила в открытый конфликт с советской вла-

стью, способствуя тем самым нарастанию взаимной ненависти и жестокости [4, с. 141].

В планах большевиков по строительству нового социалистического общества не было места религии и церкви, и они рассчитывали достаточно быстро решить все связанные с этим проблемы, отняв у церкви ее собственность. Знаменитый «Декрет о земле» от 8 ноября 1917 г. лишил церковь в целом, включая приходское духовенство, права собственности на землю. Последовавший вскоре декрет о земельных комитетах от 4 декабря все сельскохозяйственные земли, включая церковные и монастырские, объявлял собственностью государства. Декретом от 11 декабря все церковные школы, а также православные училища, семинарии и академии отбирались у церкви и передавались в ведение Народного комиссариата просвещения. Через неделю, 18 декабря, декретом аннулируется действительность церковного брака и вводится исключительно гражданский брак.

Наконец, 31 декабря эсеровская газета «Дело народа» сообщила о намерении Совнаркома рассмотреть в ближайшее время проект декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, опубликовав его содержание: религия является «частным делом гражданина», признается право каждого исповедовать или не исповедовать религию, запрещается какое-либо ограничение «свободы совести», не допускаются церковные обряды и преподавание религиозных предметов в учебных заведениях, церковные и религиозные общества лишаются прав владения собственностью и прав юридического лица, а их имущество поступает в собственность государства, имущество приходов и церковные здания передаются в ведение «волостных, земских и городских самоуправлений», отменяются религиозные клятвы и присяги, священники отстраняются от записи актов гражданского состояния [7, с. 8].

Вслед за эсеровской газетой проект декрета был напечатан в других изданиях, в том числе в церковных, и религиозная общественность получила представление о планах большевистской власти в области церковной политики. 20 января 1918 г. данный проект был утвержден Совнаркомом и вошел в историю как декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». Декрет провозглашал светскость государства и школы, отменял всякую дискриминацию граждан страны в связи с их отношением к религии, устранял существовавшее деление религиозных организаций на «господствующие», «терпимые» и «гонимые» – все они отныне становились равно-

правными «частными обществами», создаваемыми на добровольных началах и за счет средств верующих [7, с. 10]. Декрет лишал церковь всего имущества, движимого и недвижимого, прекращались государственные субсидии церкви и религиозным организациям. Согласно декрету религиозные общества могли получать необходимые для богослужения здания и предметы лишь на условиях бесплатного пользования и с разрешения местной или центральной власти.

По мнению канадского профессора Д. В. Поспеловского, считающего Россию своей родиной, «поскольку отныне в качестве договаривающейся стороны при получении в пользование молитвенных домов рассматривались лишь группы мирян, духовенство, включая патриарха и епископов, юридически оказывалось не у дел; власть епископа над паствой теперь всецело определялась доброй волей верующих и мерой их готовности исполнять преподанные им наставления и указания, в силу чего указания эти приобретали некоторый просительный характер. Сама ситуация несла в себе приглашение к конфликту, к расколу, который и не заставил себя долго ждать» [10, с. 51].

В целом, в первые месяцы политика советской власти в отношении религии и церкви носила последовательный характер и соответствовала программным установкам большевиков. Однако их расчет на быстрое решение «церковной проблемы», основанный на росте антиклерикальных настроений и низком рейтинге духовенства в период Временного правительства, не оправдался. В сложной политической ситуации действия большевиков носили скорее провокационный характер, и они получили в лице духовенства и верующих еще одного мощного оппонента.

Позиция православной церкви по отношению к большевикам формировалась постепенно, с одной стороны, в условиях нарастающего политического кризиса в стране; с другой – в условиях деятельности Всероссийского поместного собора, начавшего свою работу 15 августа 1917 г. и 5 ноября избравшего предстоятеля русской православной церкви патриарха Тихона. Еще до прихода большевиков к власти Собор принимает решение отказаться от участия в политической борьбе и не посылает своих делегатов на созданный Керенским так называемый «Предпарламент». 13 ноября Собор обращается к участникам вооруженного противостояния в Москве (большевистским отрядам и юнкерам московских военных училищ), призывая не мстить, прекратить кровопролитие и про-

явить милосердие к побежденным. 24 ноября Собор принимает решение об отпевании погибших с обеих сторон и обращается с призывом ко всему русскому народу покаяться в грехе братоубийства [10, с. 52].

2 декабря 1917 г. после двухнедельного обсуждения Собор принимает определение «О правовом положении Российской православной церкви». Документ носил провокационный по отношению к большевистской власти характер и, видимо, был принят в расчете на то, что большевики не продержатся у власти дольше одного-двух месяцев. В окончательном варианте принятое Собором определение гласило: «1. Православная Российская Церковь, составляя часть единой Вселенской Христовой Церкви, занимает в Российском государстве первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение, подобающее ей как величайшей святыни огромного большинства населения и как великой исторической силе, созидавшей Российское государство... 2. Православная Церковь в России в учении веры и нравственности, богослужении, внутренней церковной дисциплине и сношениях с другими автокефальными Церквями независима от государственной власти. 3. Постановления и узаконения, издаваемые для себя православной Церковью... равно и акты церковного управления и суда, признаются государством имеющими юридическую силу и значение, поскольку ими не нарушаются государственные законы. 4. Государственные законы, касающиеся православной Церкви, издаются не иначе как по соглашению с церковной властью... 6. Действия органов православной Церкви подлежат наблюдению государственной власти лишь со стороны соответствия их государственным законам, в судебно-административном и судебном порядке. 7. Глава Российского государства, министр исповеданий и министр народного просвещения и товарищи их должны быть православными. 8. Во всех случаях государственной жизни, в которых государство обращается к религии, преимуществом пользуется Православная Церковь». Последний пункт определения касался вопросов собственности, в соответствии с ним все, что принадлежало православной Церкви, «не подлежит конфискации и отобранию» [11, с. 38].

Принятый Собором документ ставил своей целью сохранение «союзнических отношений» православной церкви с государством и расширение ее «особого положения» в российском обществе. О необходимости установления именно таких церковно-государственных отношений говорил на

Соборе С. Н. Булгаков: «Законопроект выработался именно в сознании того, что должно быть, в сознании нормального и достойного положения церкви в России. Наши требования обращены к русскому народу через головы теперешних властей. Конечно, возможно наступление такого момента, когда церковь должна анафемствовать государство. Но, без сомнения, этот момент еще не наступил» [7, с. 8].

Собор выступил против новых законов о гражданском браке и его расторжении. В принятом на Соборе определении была сформулирована антиправительственная позиция по данному вопросу: «Брак, освященный Церковью, не может быть расторгнут гражданской властью. Такое расторжение Церковь не признает действительным. Совершающие расторжение церковного брака простым заявлением у светской власти повинны в поругании таинства брака» [11, с. 44].

В условиях подготовки большевиками декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», радикально менявшего положение Русской православной церкви, Патриарх Тихон 19 января 1918 г. издал послание, в котором анафемствовал участников кровавых расправ над невинными людьми, поднявших руки на церковные святыни и на священнослужителей. В послании Патриарха, по мнению советских авторов, «через библейские аллегории и эзопов язык проглядывает откровенный призыв к непризнанию и неподчинению советской власти, отвержению всех ее актов, касающихся церкви. Тихон анафемствовал (проклинал) и власть, и тех, кто проводил и исполнял ее постановления или хотя бы сочувствовал ей. И на Соборе, и вне его послание было воспринято как антибольшевистское, антиправительственное» [7, с. 9].

Апологеты церковной истории отвергают антибольшевистский характер послания Тихона. Так, Д. В. Поспеловский пишет, что в «послании нет ни единого слова ни о большевиках, ни о советской власти... Кого же Собор здесь отлучает от Церкви? Да всех, кто терроризировал население. Тут и банды дезертиров, называвшие себя большевиками, тут и анархисты Махно и Григорьева, тут и большевистские комиссары на местах, тут и молодчики из ЧеКа; в ходе гражданской войны немало зверств будет совершено и отдельными головорезами и карательными отрядами белой армии, особенно в Сибири. Какова прямая ответственность центрального ленинского советского правительства в зверствах на местах, предстоит выяснить историкам. Но факт тот, что послание

реагировало непосредственно на зверства и террор, и было бы противоестественно, если бы Церковь Христова не протестовала против убийств и надругательств как над отдельными людьми, так и над Церковью и ее служителями» [10, с. 52–53].

Понятно желание Д. В. Поспеловского, ссылавшегося на оригинальный текст послания, придать ему общедемократический, аполитичный характер, тем не менее и Собором, и духовенством, и верующими, и большевистской властью послание Патриарха Тихона было воспринято как антибольшевистское и антиправительственное. По мнению Кара-Мурзы, Патриарх Тихон предал советскую власть анафеме, после чего большая часть духовенства стала активно сотрудничать с белым движением [4, с. 142].

В районах, занятых белогвардейскими войсками, шел активный процесс встраивания православной церкви в общий фронт борьбы с большевизмом. В ноябре 1918 г. в Томске было созвано Сибирское церковное совещание, в котором приняли участие 13 архиереев и 26 членов Всероссийского поместного собора, находившихся на территории, занятой войсками адмирала А. В. Колчака. На совещании было образовано временное церковное управление во главе с архиепископом Омским Сильвестром. После разгрома войск Колчака часть священнослужителей была вынуждена эмигрировать [11, с. 62].

В период с 19 по 24 мая 1919 г. состоялось заседание Юго-Восточного Русского Церковного Собора, созданное, как пишет официальный историк церкви В. Цыпин, по инициативе протопресвитера Г. Шавельского и ряда других известных священнослужителей, государственных и общественных деятелей прежней России, оказавшихся на территории, занятой войсками генерала А. И. Деникина [11, с. 62]. Как сообщает в своих мемуарах руководитель белогвардейского движения на Юге России генерал Деникин, именно по его инициативе состоялся вышеназванный церковный Собор из епископов, выборного духовенства и мирян, который учредил «Временное высшее церковное управление» из семи человек под председательством архиепископа Донского Митрофана. Вновь созданный руководящий орган принял на себя высшую церковную власть на Юго-Востоке России «до установления правильных сношений со Святейшим патриархом» [3, с. 338].

В декларации, принятой по итогам Церковного Собора в сентябре 1919 г., заявлялось о принципах свободы совести и веротерпимости в отноше-

нии к инославным и иноверным вероисповеданиям. «В борьбе с общим врагом (большевизмом. – М. Н.), – подчеркивалось в декларации, – разрушающим начала государственности, все эти исповедания призываются содействовать среди своих последователей общей задаче оздоровления и воссоединения России» [3, с. 339]. Выступая с речью при открытии Собора, Деникин заявил, что он от души приветствует церковный Собор Юга России, «поднимающий духовный меч против врагов Родины и церкви», он призвал духовенство бороться с большевиками «смелым пламенным словом, мудрым деянием и живым примером... укреплять любовь к Родине, ее святыням у тех, кто в кровавых боях творит свой жертвенный подвиг» [3, с. 339].

Католическая церковь Испании, подобно российской православной церкви, также не смогла занять позицию примирения враждующих сторон и решительно поддержала консервативных сторонников генерала Ф. Франко. Профранкистская позиция католической церкви Испании формировалась постепенно после свержения монархии и установления республиканской формы правления в 1931 г. В процессе политического размежевания общества испанцы, по словам известного испанского историка Х. Висенса, «зачастую независимо от своего общественного положения, занимали диаметрально противоположные позиции, ... республика или монархия, демократия или авторитарная власть, реформа или социальный статус-кво, религиозная нетерпимость или атеистический либерализм – по всем этим проблемам испанцы занимали различные позиции, определявшие дальнейшее политическое столкновение» [9, с. 39]. Церковные иерархи в той ситуации предсказуемо симпатизировали консервативным силам, заявлявшим в ходе «большого спора об Испании» о необходимости сохранения исторических традиций, в том числе и позиций католической церкви в обществе.

В самом начале гражданской войны примас католической церкви в Испании кардинал И. Гома в пастырском послании признался, что церковная иерархия тайно поощряла антиправительственные заговоры и насилие как средства, направленные на ликвидацию Испанской республики. Вслед за примасом практически все высшее духовенство Испании поддержало франкистов, трактуя гражданскую войну как «священный крестовый поход» против безбожных коммунистов и масонов. Концепция войны, которую вели франкисты против собственного народа, «как крестового похода»

была придумана не военными и политическими руководителями из числа сторонников генерала Франко, а, как это точно установили испанские историки, – церковной иерархией во главе с примасом Гома в самые первые дни гражданской войны. Это был не просто пропагандистский прием для привлечения верующих католиков в армию генерала Франко. Называя сторонников Испанской республики «безбожниками», «антииспанцами», «ордами», «красными», франкисты тем самым с помощью церкви оправдывали самое безжалостное уничтожение противника, «словно речь шла о “дурной траве”, которую, согласно Библии следует беспощадно вырывать с чистого поля» [1, с. 306–307].

Каноник из Саламанки в 1938 г. опубликовал книгу под названием «Святая война: католический дух Испанского национального движения». В ней подчеркивалось, что развернувшаяся в стране вооруженная борьба вовсе не является гражданской войной, а представляет собой «войну религиозную», «подлинно религиозный крестовый поход за веру», «святую войну». Автор подчеркивает, что «Господь бог пожелал этой войны, и она угодна ему, а потому церковь поддерживает ее и благославляет» [1, с. 305]. В аналогичной книге того же периода отмечалось, что франкисты ведут войну «против не знающей родства Испании, порождающей марксистскую заразу, против коммунистов, масонов, сепаратистов, богохульников, богоотступников, злодеев, святотатцев и убийц и эта война является истинным крестовым походом» [1, с. 305].

Архиепископ Пла-и-Даниэль, ставший примасом после смерти Гома, в пастырском послании в конце гражданской войны призвал духовенство активно поддержать франкистов, и подавляющее большинство приходских священников именно так и поступило [8, с. 95–96]. Оправдывая в своих проповедях франкистский террор и огульно понося сторонников Испанской республики, духовенство вносило свой вклад в создание антидемократического морально-психологического климата как во франкистской зоне, так и на территории Испанской республики. Кроме этого, католическое духовенство Испании оказалось в первых рядах «доносчиков», выдававших франкистам не только коммунистов и социалистов, но и беспартийных врачей, учителей, членов профсоюзов, либерально настроенных республиканцев. Как пишет очевидец событий известный американский писатель и журналист А. Плэнн, стараниями этих священников в г. Малаге было казнено более 18 тысяч чело-

век, столько же в г. Овьедо, и так по всей Испании [8, с. 96].

В Гранаде церковь во главе с архиепископом Августином Паррадо-и-Гарсиа проповедовала насилие с амвонов и никогда публично не протестовала против ежедневных расстрелов сторонников Испанской республики на городском кладбище [2, с. 236]. Наконец, ультраправые представители католической церкви, по свидетельству Я. Гибсона, создали соответствующую почву для убийства известного испанского поэта Федерико Гарсиа Лорки [2, с. 241]. Ссылаясь на глубоко верующего испанского католического писателя Хосе Бергамина, Пленн сообщает об участии священников в изнасиловании жен и дочерей местных республиканских лидеров [8, с. 96].

Необходимо отметить, что незначительное количество католических священников не поддержало позицию примаса Гома и его преемника Плаи-Даниэля, однако эта оппозиция внутри церкви была быстро сломлена. «Мы, – подчеркивал Гома в своем обращении, – должны бороться против ошибочной идеи о незаконности восстания (франкистов. – М. Н.) и применения силы, – идеи, случайно проникшей в некоторые католические круги» [8, с. 95].

Примечательна позиция Ватикана в отношении католической церкви в Испании. Практика назначения генералом Франко на вакантные должности высших церковных иерархов профранкистски настроенных священнослужителей не вызвала протестов в Ватикане, и все назначения утверждались Папой. Ватикан не выступил против оказания религиозных почестей генералу Франко и другим палачам испанского народа, более того, Франко получил крест от Папы Пия XI в благодарность за «особые заслуги перед Богом и церковью». 25 декабря 1944 г. в рождественском послании новый Папа Пий XII упомянул Франко как объект для особой похвалы и благодарности Ватикана [8, с. 109].

После революции 1931 г. активную роль в политической жизни Испании стали играть представители либеральной интеллигенции, сгруппированные в несколько политических прореспубликанских партий, из их числа вышло, по словам Л. В. Пономаревой, «подавляющее большинство министров и всех премьер-министров Республики до гражданской войны». Они сформировали целое «направление» антиклерикальной и, по существу, антикатолической мысли в среде испанской интеллигенции, ... стремились создать сплав позитивной философии и религии, более близкой, как

они сами признавали, либеральному протестантизму, чем католицизму». Возглавив республику, эти политические деятели предприняли попытку либерализации испанской культуры, включая систему просвещения. Один из лидеров республиканцев, будущий премьер-министр и президент Испанской республики М. Асанья, в 1931 г. ставит задачу упразднения «католического мышления», а в 1932 г. заявляет о претензиях республиканцев «создать новый народ» [9, с. 37]. Он также утверждает, что Испания перестала быть католической.

Антицерковные настроения получили широкое распространение среди всего спектра левых политических партий и движений. Самую бескомпромиссную позицию занимали испанские анархисты, теоретики которых выдвигали задачу «разрушения церкви» столь же решительно, как и задачу «уничтожения государства». Они требовали «упразднения всех церковных институтов», что привело в ряде регионов Испании к спонтанным поджогам церквей [9, с. 43]. Только в период с 10 по 12 мая 1931 г. были сожжены церкви в Мадриде, Малаге, Севилье и Аликанте. «Это, – подчеркивает известный британский историк П. Престон, – свидетельствовало о том, насколько прочно простые люди идентифицировали церковь с монархией и правыми политическими силами» [12, р. 14].

Либеральные республиканцы не ограничились программными установками и заявлениями. Будучи у власти, они предприняли и конкретные практические действия антиклерикального характера. В январе 1932 г. был упразднен орден иезуитов, а его имущество национализировано, в феврале 1932 парламент республики принял закон о гражданском браке и разводе, в мае 1933 г. был принят закон о религиозных конгрегациях. Последний закон кардинально изменял статус католической церкви, запрещая функционирование католических колледжей и школ, изымая в пользу государства движимое и недвижимое имущество церковных организаций, размер которого превышал определенный законом максимум. Отныне все храмы, монастыри, дворцы епископов, здания духовных семинарий стали национальным достоянием и предоставлялись католической церкви «в пользование». Закон запрещал любую политическую активность церковных организаций, особо подчеркивая, что «религиозные собрания и манифестации не могли принимать политический характер, в каком бы месте они ни происходили» [9, с. 105].

Иерархи католической церкви решительно вы-

ступили против закона о религиозных конгрегациях. 25 мая 1933 г. они призвали верующих к гражданскому неповиновению, осудили обучение школьников в государственных светских католических школах. Их позицию поддержал Папа Пий XI, выразивший сожаление, что испанские законодатели нашли решение, «противоречащее верованиям большинства испанцев» [9, с. 106].

По мнению Престона, «республиканское антиклерикальное законодательство обеспечивало оправдание злобной враждебности тех, кто уже имел достаточные мотивы для уничтожения республики. Немедленно была пущена в ход желчная риторика еврейско-масонско-большевистского заговора. Более того, беспричинный характер многих антиклерикальных мероприятий помогал рекрутировать многих рядовых католиков в ряды франкистов» [12, р. 10].

Республиканское антиклерикальное законодательство в лучшем случае было опрометчивым шагом, в худшем, по мнению Престона, – безответственным, оно воспринималось правыми как продукт ненависти к религии, инспирированной масонами. Во многих местах меры, направленные на отделение школы от церкви, легко обходились. Школы по-прежнему возглавлялись религиозным персоналом, некоторые школы просто поменяли название, не меняя религиозной сути своей работы, священники, работавшие в школах, сняли сутаны и надели гражданскую одежду, некоторые католические школы стали просто школами только для богатых. Священники, пишет Престон, во время проповеди говорили: «Мы лучше будем сражаться в гражданской войне, чем согласимся с отделением церкви от государства» [12, с. 17]. Политика секуляризации вызывала враждебность у многих простых людей, которые на бытовом уровне начинали испытывать дополнительные неудобства. Так, введение гражданского брака вынуждало проводить две церемонии – одну в церкви, другую – в регистрационном офисе, передача кладбищ в ведение муниципальных властей привела к бюрократизации процесса похорон и массовому недовольству [12, с. 19].

Почувствовав со стороны Республики угрозу своему политическому влиянию и экономическому положению, католическая церковь вступила в борьбу за сохранение своих богатств и возможности оказывать влияние на светскую жизнь людей. Именно по этой причине испанская католическая церковь благословила вооруженный мятеж против Республики и приняла активное участие в гражданской войне на стороне франкистов.

В целом, и российская православная церковь, и испанская католическая церковь в ходе начавшихся гражданских войн не смогли занять абсолютно нейтральную примиряющую позицию, обе церкви начали поддерживать одну из противоборствующих сторон – белогвардейцев в России и франкистов – в Испании, причем испанская католическая церковь сделала это более решительно и открыто. Позиция обеих церквей стала следствием провокационной, по сути, государственной антиклерикальной политики российских большевиков и испанских либеральных демократов, программные установки и практические действия которых совпадали по всем ключевым вопросам: отделение церкви от государства и школы от церкви, отмена церковного брака и развода и введение гражданского брака и развода, национализация собственности церквей, монастырей и религиозных организаций.

Библиографический список

1. Амандо де Мигель. 40 миллионов испанцев сорок лет спустя [Текст] / пер. с исп. – М.: Прогресс, 1985. – 430 с.
2. Гибсон, Я. Гранада 1936 г.: Убийство Федерико Гарсиа Лорки [Текст] / Я. Гибсон ; пер. с исп. – М.: Прогресс, 1986. – 256 с.
3. Деникин, А. И. Очерки русской смуты: в 3 кн. Кн. 3. – Т. 4, 5. Вооруженные силы Юга России [Текст] / А. И. Деникин. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 832 с.
4. Кара-Мурза, З. Г. Гражданская война (1918–1921) – урок для XXI века [Текст] / З. Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2003. – 256 с.
5. Новиков, М. В. Две гражданские войны и один гражданский мир [Текст] / М. В. Новиков // Концепты культуры XX века: сборник статей / под науч. ред. Т. С. Злотниковой. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. – С. 88–95.
6. Новиков, М. В. Гражданская война: образованность, воспитанность и жестокость [Текст] / М. В. Новиков // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 4. – С. 300–305.
7. Одинцов, М. И. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.) [Текст] / М. И. Одинцов. – М.: Знание, 1991. – 64 с.
8. Пленн, А. Ветер в оливковых рощах; пер. с англ. [Текст] / А. Пленн. – М.: Госиздат иностр. лит-ры, 1947. – 339 с.
9. Пономарева, Л. В. Испанский католицизм XX века [Текст] / Л. В. Пономарева. – М.: Наука, 1989. – 288 с.
10. Поспеловский, Д. В. Русская православная церковь в XX веке [Текст] / Д. В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
11. Цыпин, В., протоиерей. История русской церкви. 1917–1927 [Текст] / протоиерей В. Цыпин. –

М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 832 с.

12. Preston P. The Spanish Holocaust. – N. Y.-L.: W. W. Norton and Company, 2012. – 700 p.

Bibliograficheskij spisok

1. Amando de Migel'. 40 millionov ispancev sorok let spustja [Tekst] / per. s isp. – M. : Progress, 1985. – 430 s.

2. Gibson, Ja. Granada 1936 g.: Ubijstvo Federiko Garsia Lorki [Tekst] / Ja. Gibson ; per. s isp. – M. : Progress, 1986. – 256 s.

3. Denikin, A. I. Ocherki ruskoj smuty : v 3 kn. Kn. 3. – T. 4, 5. Vooruzhennye sily Juga Rossii [Tekst] / A. I. Denikin. – M. : Ajris-press, 2006. – 832 s.

4. Kara-Murza, Z. G. Grazhdanskaja vojna (1918–1921) – urok dlja XXI veka [Tekst] / Z. G. Kara-Murza. – M. : Algoritm, 2003. – 256 s.

5. Novikov, M. V. Dve grazhdanskije vojny i odin grazhdanskij mir [Tekst] / M. V. Novikov // Koncepty kul'tury HH veka : sbornik statej/pod nauch. red. T. S. Zlotnikovej. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2009. – С. 88–95.

6. Novikov, M. V. Grazhdanskaja vojna: obrazovanost', vospitannost' i zhestokost' [Tekst] / M. V. Novikov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2015. – № 4. – С. 300–305.

7. Odincov, M. I. Gosudarstvo i cerkov' (Istorija vzaimootnoshenij. 1917–1938 gg.) [Tekst] / M. I. Odincov. – M. : Znanie, 1991. – 64 s.

8. Plenn, A. Veter v olivkovyh roshhah ; per. s angl. [Tekst] / A. Plenn. – M. : Gosizdat inostr. lit-ry, 1947. – 339 s.

9. Ponomareva, L. V. Ispanskij katolicizm XX veka [Tekst] / L. V. Ponomareva. – M. : Nauka, 1989. – 288 s.

10. Pospelovskij, D. V. Russkaja pravoslavnaja cerkov' v XX veke [Tekst] / D. V. Pospelovskij. – M. : Respublika, 1995. – 511 s.

11. Cypin, V., protoierej. Istorija ruskoj cerkvi. 1917–1927 [Tekst] / protoierej V. Cypin. – M. : Izd-vo

Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrja, 1997. – 832 s.

12. Preston P. The Spanish Holocaust. – N. Y.-L.: W. W. Norton and Company, 2012. – 700 p.

Reference List

1. Amando de Miguel. 40 million Spaniards after forty years/ translated from Spanish. – M. : Progress, 1985. – 430 p.

2. Gibson Ya. Granada 1936: Federico García Lorca's murder; translated from Spanish. – M. : Progress, 1986. – 256 p.

3. Denikin A. I. Sketches of the Russian distemper: in 3 books, Book 3. – V. 4, 5. Armed forces of the South of Russia. – M. : Ayres-press, 2006. – 832 p.

4. Kara-Murza Z. G. Civil war (1918–1921) – a lesson for the 21st century. – M. : Algoritm, 2003. – 256 p.

5. Novikov M. V. Two civil wars and one civil world // Concepts of culture of the XX century: the collection of articles/under scientific edition of T. S. Zlotnikova. – Jaroslavl : YSPU Publishing House, 2009. – P. 88–95.

6. Novikov M. V. Civil war: education, good breeding and cruelty // Jaroslavl pedagogical bulletin. – 2015. – № 4. – P. 300–305.

7. Odintsov M. I. Government and church (History of relationship. 1917–1938). – M. : Znanie, 1991. – 64 p.

8. Plenn A. Wind in olive groves; translated from English. – M. : Gosizdat inostrannoy literatury, 1947. – 339 p.

9. Ponomareva L. V. Spanish Catholicism of the 20th century. – M. : Nauka, 1989. – 288 p.

10. Pospelovsky D. V. Russian Orthodox Church in the 20th century. – M. : Respublika, 1995. – 511 p.

11. Tsylin V., archpriest. History of the Russian church. 1917–1927. – M. : Publishing House of Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery, 1997. – 832 p.

12. Preston P. The Spanish Holocaust. – N. Y. – L. : W. W. Norton and Company, 2012. – 700 p.